

Три месяца
твоей жизни,
чтобы встать

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АРСЕНИЙ ФЕДОРИН

18+

Арсений Федорин

Три месяца твоей жизни, чтобы встать

<https://litres.ru/73910879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аркадий — психотерапевт в реабилитационном центре. Он давно смирился с тем, что никогда не встанет с инвалидного кресла: травма позвоночника в пятнадцать лет поставила крест на карьере мечты и привычной жизни. Но он научился жить заново, помогать другим колясочникам и даже гордиться тем, что не взял у государства ни копейки.

Однажды ночью к нему приходит таинственный Незнакомец и предлагает выбор: остаться в кресле или снова ходить — но при условии, что его недуг перейдёт на другого человека. Случайного знакомого.

Аркадий делает выбор. А наутро понимает: плата оказалась выше, чем он мог предположить. Теперь ему предстоит не только скрывать правду от коллег и друзей, но и попытаться исправить содеянное.

«Три месяца твоей жизни, чтобы встать» — это психологическая драма с элементами магического реализма о цене чуда, эгоизме и попытке искупления. Без слащавых хэппи-

эндод, зато с живыми персонажами, медицинскими деталями и вопросом: готов ли ты заплатить за своё счастье чужой болью?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	30
Глава 4.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Три месяца твоей жизни, чтобы встать

Глава 1.

Это терапия для тех, кто боится себе признаться, что любой наш выбор имеет цену, и иногда она выше, чем мы готовы заплатить.

«Бц-бц-бц».

Я проснулся от будильника на телефоне. Посмотрел на часы: 7:00. Через час мне быть на работе. Протёр лицо, почесал глаза, сел. Скинул ноги руками, подкатил инвалидное кресло.

Ты спросишь, что со мной случилось? Долгая история. Но давай я тебе её расскажу.

В 15 лет на соревнованиях я упал. Очень неудачно. Шесть сломанных позвонков, два из которых ушли под замену — теперь там титан в спине. И травматическое повреждение спинного мозга. Что это значит? А то, что до конца своих дней я буду в инвалидном кресле. Если, конечно, какой-нибудь умный дядька не научится восстанавливать нервные окончания.

Пересел на кресло, двинул на кухню. В свои 24 я жил один

и очень этим гордился. В 18 открыл свой маленький бизнес в интернете, начал потихоньку зарабатывать, пока учился. Это позволило в 20 съехать от родителей и жить одному.

Взял кофейную капсулу, воткнул в кофемашину, поставил стакан. Пока кофе варится — поехал умыться и делать в ванне свои процедуры.

Ванная комната у меня была большая. Я сам выбирал квартиру именно с большой ванной. Совмещённая с санузлом, квадратов пятнадцать. Я слез с коляски на пол и выкачал коляску в коридор.

Ты спросишь, зачем я это сделал? Ты не один такой, кто задаётся этим вопросом.

Мне много раз предлагали купить специальный стул для душевой кабины. Пересаживаешься и моешься спокойно, как король. Но я никогда не хотел себе такой стул. А знаешь почему? Не хотел быть похожим на них. Я и так сильно отличался от других инвалидов. У меня не было инвалидности. Я её не оформил сразу. Не брал помощь государства. Не брал льгот, не брал пенсии. Почему? Да хер его знает. Так было легче жить. Я был другим. Я пошёл против системы.

Заполз в душ. Взял два полотенца и чистые трусы. Сделал катетер — дело житейское, без него никуда. И стал принимать душ. Душ был быстрый, тёплый. Взял первое полотенце, насухо вытер верх и лёг на бок, закинул его под голый зад и плюхнулся прямо на него. Вторым полотенцем вытер непослушные ноги и пол в душевой кабине, надел чистые трусы

и пополз в сторону двери. Там в коридоре меня ждала моя коляска. Профессионально, как это делал много лет, я залез на неё с пола и поехал на кухню. Там меня ждал горячий кофе. Быстро выпил кофе, посмотрел на часы на телефоне: 7:20. Через сорок минут мне быть на работе. Кинул кружку в раковину и поехал в комнату одеваться. Взял чистую белую футболку, чёрные джинсы, серые носки. Наручные часы «Армани». Быстро накинул футболку, натянул джинсы, носки. Помазал подмышки дезодорантом, два пшика парфюма. Снял с сушилки белый халат, сложил аккуратно, закинул в рюкзак, который висел на ручках коляски. Выехал в коридор, взял бейдж.

Аркадий Евгеньевич Круглов. Психотерапевт.

Кинул его в карман рюкзака. Поехал к электроприводу для коляски. Зацепил — и выехал из квартиры.

На улице меня встретило яркое летнее солнце. До работы ехать 15 минут — так что в путь. С этим электронным приводом вообще ничего делать не надо. Ты как на самокате: едешь, жмёшь газ и тормоз. Разгоняется он довольно уверенно, километров 20 в час точно может выдать. А это, знаешь ли, ничего себе скорость. Поехал к работе.

Давай я быстро расскажу, кто я такой. Я психотерапевт. Работаю в реабилитационном центре. Как так получилось? Да всё просто. До травмы я ужасно хотел стать ментом. Бегать по городу, охранять мирное население. Но тут, откуда ни возьмись, ёлка выросла передо мной на соревнованиях по

горным лыжам. И всё. Хрен мне, а не ментовка. Но я вычитал в интернете, что есть ещё полицейские психологи. Тоже с погонами, с ксивами и со всеми теми же привилегиями. Ну я быстро закончил 11 классов и поступил на психолога. После вуза решил устроиться в ментовку. А мне знаете, что говорят? «А нормативы вы как сдавать будете?» Ну и всё. Крах моей карьере в погонах.

Начал пить, курить. Семья увидела, как я убиваюсь. И бабушка говорит: «В центре нужен психолог, сходи, может, возьмут». Я сходил, то есть съездил — прошу прощения, — короче, приехал. Мне говорят: «Мы тебя сейчас возьмём, но на полставки. Потому что нам нужен психотерапевт». Тут я опять выпал. Зачем я четыре года учился? Но согласился. Понимал: скажу нет — сопьюсь и сгнию в этой квартире. Быстро поступил на курсы, прошёл их, получил звание психотерапевта. И вот в 24 года я психотерапевт в реабилитационном центре. И вот ты сейчас думаешь: ну и дурак, зачем согласился на полставки? А я тебе отвечу: страшно было. Понял? Страшно сидеть дома, смотреть в потолок и понимать, что ты никому не нужен. Лучше уж полставки, чем ноль.

Пятнадцать минут прошли быстро. С музыкой в наушниках можно было ехать хоть на край света. Заезжаю в центр. За главной стойкой сидит Ленка. Ух, какая женщина. Молодая, красивая, с кудрявыми волосами и ослепительно голубыми глазами. Она мне нравилась. До безумия нравилась.

Но я колясочник. А найти девушку, которой будет всё равно на это, очень тяжело. Ленка была не из таких — это я знал точно.

— О, Аркаш, привет. Как дела? — спросила Лена.

— Всё супер, — ответил я быстро.

— Тут тебя Анатолий Евгеньевич уже искал.

— А что случилось? — не понимаяще ответил я.

— Так у тебя же обход. И новый какой-то пациент или пациентка, я так и не поняла.

— Поехал, значит.

— Не упади только! — крикнула в спину Ленка и улыбнулась.

Заехал в лифт, поднялся на третий этаж. Заехал в свой просторный кабинет. Мой кабинет отличался от остальных. У меня не было рабочего стула. И правда, зачем он мне? У меня есть мой пожизненный стул. Снял электропривод, поставил его в угол. В кабинет зашёл Анатолий Евгеньевич. Высокого роста мужчина, лысый, с бородатым лицом. Он заведующий отделения, и всех пациентов подсовывает именно он. Почему он? И почему я вообще не работаю частно? Всё очень просто и даже, может быть, магически. Я могу приводить в чувства только людей на колясках. Это работает очень просто. Работа психолога — в понимании боли человека. А мне зачем её понимать? Если я с пятнадцати лет живу с ней.

— Аркадий Евгеньевич, почему опаздываете? — спросил заведующий.

— Правда? Извините, в пробку попал.

— В пробку он попал, — заведующий улыбнулся. — Ладно. Твоих пациентов я выписал всех и без тебя. Но тут прибыл новый. Ни с кем на контакт не идёт. Категорически отказывается идти к психологу. Молчит. А мать истерит. Приехал на реабилитацию. Всё проходит как надо, всех инструкторов слушает. Но молчит.

— Он всегда молчал? — спросил я.

— Мать говорит, замолчал после первой реабилитации.

— Хорошо, я разберусь.

Анатолий Евгеньевич кинул карточку пациента на стол и вышел из кабинета. Я взял карточку в руки. Пациента звали Денис. Перелом шейных позвонков в результате езды на мотоцикле. Как хорошо, что я никогда не любил эти мотоциклы. Но странная ирония: хоть я их и не любил, всё равно нахожусь в кресле. Палата 425. Ну что, надо ехать.

Выехал из кабинета, направился к лифту. По дороге встретил инструктора ЛФК. Сергей Юрьевич. Хороший мужик. Проводил мне бесплатные сеансы лечебной физкультуры, всё пытался поднять меня на ноги. Но постоянно упирался в этот грёбанный спинной мозг, который отказался проводить импульсы из головы.

— Здорова, Аркаш, — протянул он мне руку.

— Привет, Серёж. — Я пожал руку, улыбнулся.

— Ну как дела? Не пропустил вчера электростимуляцию?
А то халтурить стал.

Серёжа заставил меня купить домой электростимулятор. И каждый вечер я сам себе ставил его на ноги, заставлял их искусственно работать. Зачем? Серёжа верил, что рано или поздно врачи научатся лечить мой случай, и так он предотвращал атрофию мышц. И у него получилось: ноги у меня были большие и даже в какой-то степени накачанные.

— Нет, Серёж, вчера всё сделал.

— Молодец. Так и надо. Ты куда?

— Да пациента нового дали, Денис какой-то. Молчит, ни с кем не говорит. Шейник.

— О, знаю его. Мне его тоже дали. Мать у него, конечно, зверь. Два занятия в день по часу. Он ко мне когда вечером приезжает — уже ни хрена делать не может.

— В каком смысле?

— Да в таком. Он несовершеннолетний. Шестнадцать ему. Не может выбирать, что и как. А мать деньги сует в карман, мол, больше занимается — быстрее встанет. И пацан с семи утра не спит и до восьми вечера работает. Ладно, я курить пошёл. Удачи.

Серёжа ушёл по лестничной клетке. И тут меня осенило. Серёга мне только что дал хорошую подсказку. Парень совсем не отдыхает. Мне нужен его лист назначений.

Глава 2.

Доехал до четвёртого этажа, поехал по жилому. Я видел много пациентов. Но в основном это были бабушки. Лето, сейчас не сезон для восстановлений. Мои любимые инвалидки сейчас в санаториях на берегах морей — купаются в солёной воде, делают физпроцедуры. В такое время у меня всегда мало работы. Анатолий Евгеньевич выписал сегодня моих трёх пациентов, которые после моих сеансов сильно прибавили себе самооценки.

Подъехал к палате 425, постучал, как культурный человек. Из-за двери послышалось: «Да-да». Я открыл дверь.

Большая двухместная палата. Такая была привилегией богатых людей — купить место тут стоило хороших денег. В палате меня встретила мать. Женщина лет сорока, короткая стрижка. Сидела за столом, пила чай, листала что-то в телефоне.

— Здравствуйте, — сказал я, оценивая палату.

— Привет. Денис на процедурах, можешь вечером зайти, — ответила она, не отрываясь от телефона.

Тут я удивился. Не то что удивился — охренел. Врач приехал в палату, а она на «ты».

— Хорошо, — ответил я и выехал из палаты.

Только в коридоре до меня дошло. Халат. На мне не было

халата. Я забыл его надеть, и мать приняла меня за друга этого Дениса. Благо рюкзак всегда был со мной. Достал халат — чистый, выстиранный. Накинул на себя, достал из кармана бейдж и заехал по новой.

— Здравствуйте, — ещё раз поздоровался я, уже в халате.

— Ой, извините, пожалуйста. Я не знала, что вы врач. Здравствуйте, — мать вскочила из-за стола и принялась убирать чай.

— Ничего страшного. Дениса, говорите, нет?

— Нет. А вы кто, простите? Нам вроде всё уже назначили.

— Психолог, психотерапевт — называйте как удобно. Аркадий Евгеньевич, — представился я, указав на бейдж.

— Так это вы? — оживилась мать. — Я не знала, что вы тоже инвалид.

— Не инвалид, а человек с ограниченными возможностями.

— Да-да, простите.

— Сына вы так же называете? — я включился в работу и подъехал к столу.

Мать села рядом.

— Бывает иногда. Ну а как по-другому?

Я ничего не ответил. Действительно, как по-другому? Когда само общество тебе уже придумало название и заменило банальное «человек» на «инвалид».

— Я про вас много в интернете читала, — начала говорить мать, пока я доставал блокнот из рюкзака. — Говорят, вы

просто бог в психологии. Людям на колясках новую жизнь даёте. Я хотела на приём записаться, а мне сказали: вы не принимаете, только по реабилитации работаете.

— Есть в этом доля правды, — ответил я.

Достал блокнот, ручку, начал писать: Денис, 16 лет, шейник. Думал над вопросами, а мать всё не унималась.

— Дениска у меня вообще говорить перестал. Другие психологи говорят — посттравматический период. Что заговорит, надо адаптироваться психике.

— Возможно, и правду говорят, — ответил сухо.

— А вы что скажете? — вдруг спросила мать.

— Я пока ничего сказать не могу. Во-первых, с нами нет Дениса. Во-вторых, возможно, они и правы. Давайте я вам задам несколько вопросов.

— Да-да, конечно, спрашивайте.

— Немым он стал сразу после травмы?

Я прекрасно знал ответ. Но мне нужны были её слова. Как она это видит.

— Да нет, вы что. Я когда приехала в больницу, его только в палату перевели — говорил он с трудом, но говорил. «Мама», говорил. Говорил, что не хотел, что белка выбежала на дорогу. Испугался, говорил. А дальше ничего не помнит.

— Хорошо.

Я записал в блокнот: говорил с трудом. Почему? Трубки после ИВЛ? Повреждены голосовые связки?

Вопросов много, ответов мало. Но суть не в этом. Мне

надо было понять, когда именно он перестал говорить.

— Когда вы заметили первые признаки неразговорчивости Дениса? — задал следующий вопрос.

— Это началось во время первой реабилитации. Мы поехали в Израиль. Там, говорят, любых поднимают. Все деньги туда отдала, лучшая клиника. ЛФК три раза в день, тренажёрный зал...

— Три раза в день ЛФК? — перебил я.

— Да, по часу. Утром, в обед и вечером.

Ну и мать. Зачем так мучить ребёнка? Я промолчал, но внутри всё сжалось. Три часа ЛФК в день для шейника с неросшей психикой — это не реабилитация. Это насилие. Организм шестнадцатилетнего пацана, который только что понял, что не встанет, тратит все ресурсы на то, чтобы просто дышать и не сойти с ума. А тут ещё его заставляют работать, как олимпийского чемпиона. Речь отключается первой — мозг экономит энергию. Это не посттравматический период. Это перегруз. Чистая, клиническая перегрузка.

— Хорошо. А сколько дней вы там были? — спросил я.

— Двадцать восемь дней.

— И каждый день по три раза?

— Да. А что? Что-то не так?

Тут я выпал. Двадцать восемь дней, три раза в день. Это не занятия. Это пытка. Организм просто не успевал восстановиться. Записал в блокнот: сильная нагрузка на организм, нехватка энергии, моральное состояние ниже плинтуса. Речь

отключилась как ненужная — чтобы сохранить силы на «работу».

— Хорошо, спасибо. У меня всё.

— А что вы скажете? — мать смотрела с надеждой.

— Пока ничего. Надо сначала поговорить с Денисом.

— Но он же...

— Не переживайте. Не первый год в профессии.

На этом я закончил и выехал из палаты.

В коридор, остановился у окна. Перечитал записи. Денис, 16 лет, шейник. Говорил после травмы. Замолчал на реабилитации. Три часа ЛФК в день. Двадцать восемь дней подряд. Блядь. Я смотрел на эти строчки и понимал: парень не болен. Он сломался, да. Но он не пациент. Пациент — эта женщина. Которая впихнула ребёнка в программу «встань любой ценой». Которая не слышала, как он говорит «мама» — ей нужны были ноги. Которая и сейчас сидит в палате, пьёт чай и ищет в телефоне следующую клинику, где его добьют.

Я вообще-то работаю только с колясочниками. Ходячих не беру. Не мой профиль, не моя боль. Но тут меня чисто по-человечески пробило. Шестнадцать лет. Молчит уже чёрт знает сколько. И мать, которая вместо того чтобы остановиться, газ нажала. Не могу я пройти мимо. Не потому что профессионал. А потому что жалко пацана. По-дурацки, по-своему, по-мужски. И назло этой системе, назло матери, назло всем, кто считает, что психолог без ног — это уже диа-

гноз, — я возьмусь. Сделаю. Из принципа. Пусть он не мой пациент по профилю. Пусть я ходячих не веду. Но этот будет мой. Потому что просто бесит.

С Денисом всё ясно. Ему нужен отдых. Тишина. Три месяца без долбаного ЛФК. А с ней? С ней работать. Объяснять, что сын не сломается, если не будет заниматься два часа в день. Что он не встанет быстрее, если его не загонять до потери пульса. Что она его убивает. Не позвоночник. Она. Но скажи это матери. Скажи. Она же не со зла. Она от страха. А страх лечить сложнее, чем позвоночник. Там таблетка не поможет.

Я направился к посту медсестры. Там каждый день записывают занятия из «бегунка». Это тоже ирония нашего центра: неходячим людям дают «бегунки». Они буквально ездят на инвалидных колясках с этими листочками в руках.

— Здравствуйте, я психотерапевт...

— Привет, Аркаш, — улыбнулась молодая медсестра. — Все в центре знают, кто ты. Ты тут местная легенда.

Мне было приятно. Приятно, что меня знают и ещё считают легендой.

— Ого, — удивился я. — Тогда можно мне расписание Дениса Игнатьева?

— Секундочку. А зачем тебе?

— Мой пациент. Хочу узнать, где он.

Она дала мне бумагу с расписанием занятий. Я открыл глаза шире. Тренажёрный зал — два раза, ЛФК — два раза.

Единственное, где он сегодня отдыхает, — это массаж, электростимуляция и барокамера. Сейчас он на массаже. После у него занятия ЛФК с Сергеем Юрьевичем. Вот там я с ним и встречаюсь.

Записал в блокнот все занятия на неделю, отдал бумагу, сказал вежливое «спасибо, хорошего дня» и скрылся в сторону лифта.

Я спустился на первый этаж. Здесь были все медкабинеты. Посмотрел на часы. До занятия с Серёгой ещё пятнадцать минут. Решил попить кофе. Подъехал к аппарату. Эспрессо без сахара наливалось уже. Взял. Но главная проблема человека на колёсах: если у тебя заняты руки — отъехать ты никуда уже не сможешь. Пришлось пить кофе у аппарата. Эспрессо зашёл быстро. Тридцать граммов горького кофе — и ты готов к работе.

Поехал в сторону кабинета ЛФК. Подъехал, постучался. Серёга крикнул своё любимое «кто там?», и я заехал. Кабинет был пустой. Дениса ещё не привезли.

— Ты чё пришёл? — спросил Серёга.

— У тебя сейчас мой пациент. Хочу поговорить.

— Так он же немой.

— Это временно, — сказал я с улыбкой.

Сергей Юрьевич посмотрел на часы. Пять минут до занятия Дениса.

— Прыгай на стол, разомну тебе суставы.

Отказываться я не стал. Зачем? Когда тебе предлагают

бесплатно размять то, что уже давно само не разминается.

Я перебрался на стол. Серёга начал с ног — аккуратно, с привычной силой, но без рывков. Сначала голеностоп, потом колени. Суставы хрустели, как старый половик.

— Слушай, Аркаш, — сказал он, не отрываясь от дела. — Вот ты умный. Когда Ледовое побоище было?

Я задумался. В голове обломки школьной истории, какие-то даты, но точную не вспомнил.

— Хрен его знает, — признался я. — А ты: когда Русь крестили?

Серёга хмыкнул, разминая моё бедро.

— Тоже не помню. Ну и ладно. Главное, что было.

— Ага. И мы там оба стояли, — усмехнулся я.

Он засмеялся, хлопнул меня по ноге.

— Ладно, историк хренов. Давай спину.

Я перевернулся на живот, уткнулся лицом в стол. Серёга принялся за позвонки. Титановые пластины привычно отдавали тупой болью, но я молчал. Терпел. Потому что без этой боли мышцы бы совсем сдохли.

— Долго ему ещё? — спросил я.

— Минуты три. Ты давай, не ной. Пять лет назад даже так не мог.

— Пять лет назад я тебя не знал, — буркнул я.

— А теперь знаешь. И суставы тебе разминаю. Бесплатно. Цени, блин.

Я промолчал. Но внутри было тепло. Не от разминки. От

того, что есть такой мужик — Серёга. Лысый, бородатый, с руками кузнеца и с историей, которую он не помнит.

В дверь постучали. Я всё ещё лежал на столе, Серёга заканчивал со спиной.

— Кто там? — крикнул Серёга, не отвлекаясь.

В кабинет зашли та самая мать и Денис. Денис был на электроколяске. Такие нужны шейникам.

— Ой, вы тоже тут, — удивилась мать, увидев меня на столе.

— Я уже всё, — ответил я.

Серёга хлопнул меня по спине. Приказ: «уходи». Я быстро слез, перелез на свою коляску, накинул халат с бейджем.

— Оставляйте Дениса, мы разберёмся, — сказал Сергей Юрьевич.

— А вы? — она указала рукой на меня.

— Не переживайте, мы же коллеги, — улыбнулся Серёга и закрыл за ней дверь.

Мы с Серёгой уже обсудили, пока он разминал мне спину: Денису нужен перерыв. Никаких силовых упражнений сегодня не будет. Чисто разминка суставов — и всё.

Денис остался один в кабинете. Мать вышла, но даже за дверью было слышно её дыхание. Серёга рассказал, что у Дениса сломан шестой шейный позвонок. Я сразу прикинул в голове: руки должны работать. Значит, надо начинать действовать.

— Привет, — поздоровался я с Денисом и протянул руку.

Он долго смотрел на неё. Секунд пять, может. Но я был настырным. Серёга не вмешивался, он понимал, к чему я иду.

Вдруг Денис зашевелился. Сначала плечо, потом локоть. И вот ко мне тянется его пятерня. Он пожал мне руку. Слабо, как мог. Но это уже был подвиг. Я даже не ожидал, что он сможет и решится. Но он сделал это. Его маленькая победа.

— Поговорим? — спросил я.

Я понимал, что ответа не будет. Мне нужен был импульс. Толчок, чтобы мозг вспомнил: молчать — страшно и больно. Денис только смотрел на меня.

— Ты можешь молчать. Я буду спрашивать, а ты молчи, — продолжил я.

Я был почти уверен, что с голосом и связками всё в порядке. Мозг сам заблокировал речь, чтобы не перегружать организм. Экономия энергии. Защита от перегрева.

— Как давно произошла травма?

Вопрос не очень корректный. Особенно для подростка, которого мать заставляла работать через силу. Денис ничего не ответил, но я заметил, как забегали его глаза. Он начал думать. В голове зашуршали воспоминания.

— Ты устал?

Я продолжал сыпать вопросами. Мне нужно было дать ему понять: я вижу его усталость. Вижу, как он устал от всего этого. Как он просто хочет отдохнуть.

— Расскажи, какого молчать, когда тебя убивают?

Я сказал это не для провокации. Я сказал это потому, что мать действительно убивала его заботой. И Денис это чувствовал. Он просто не мог сказать. Я давал ему разрешение. Ты можешь злиться. Ты имеешь право.

Произошёл взрыв. Я понял это по пальцу на левой руке — он забегал, заходил ходуном, хотя раньше лежал неподвижно. Скулы начали сокращаться. Глаза бегали из стороны в сторону. Он боролся. Он хотел сказать. Но что?

— Ты любишь свою мать?

Я знал, что это запрещённый приём. В терапии так не делают. Не спрашивают травмированного подростка о любви к тому, кто его травмирует. Но мы были не в терапии. Мы были на поле боя. Либо он сейчас скажет что-то, либо замолчит навсегда. И я выбрал риск.

Глаза Дениса покраснели. Из правого глаза вытекла слеза. Одна. Единственная. Я подъехал ближе. Взял край халата, чтобы вытереть, но его рука поднялась первой.

— Ты слаб, — сказал я тихо.

— Аркадий, — окликнул меня Серёга, но я уже его не слышал.

— Как ты собрался встать на ноги, если даже слова сказать не можешь?

Я бил в самое больное. В его немоту как символ поражения. Не потому что я жестокий. А потому что единственный способ разбудить замолчавшую психику — это дать ей право на злость. На ненависть. На любое чувство, кроме стыда

и страха.

Его губы задёргались. Язык забежал во рту. Он открыл рот, но ничего не сказал — только выдохнул. Тяжело. Со злостью.

И вдруг он вымолвил. Это был не голос. Ангельская подачка. Хриплая, сломленная, но живая.

— Я... её... ненавижу.

Он сказал это. И в этот момент он воскрес. Потому что ненависть — это чувство. А чувство — это жизнь. Мёртвые не ненавидят.

— Я... устал, — выдавил Денис.

Я смотрел на него и видел, как вена на лбу вот-вот лопнет.

— Я... устал.

Глаза бегали, слёзы текли. Надо действовать.

— Почему? — спросил я.

— Она... меня... возит по этим врачам, — говорил он слабым, хриплым голосом. — Как я вас всех ненавижу. Её. Центр этот.

— А меня?

Этот вопрос загнал его в ступор. Он задумался. Смотрел на меня оценивающе. Пытался понять, кто я такой. Он видел кресло. Мои нерабочие ноги. Он видел своего.

— Спасибо, — сказал он тихо.

И заревел. Громко. Навзрыд. Я сидел и смотрел, как парень изливает душу в кабинете ЛФК. Не потому что он почувствовал мышцу или научился управлять ногами. Он избавился от булыжника, который давил на него с самого пер-

вого дня. Я подъехал ближе и крепко обнял его. Как родного. Как своего. Он ревел мне в халат. И чувствовалось, как выходит вся боль. Не сразу. Не до конца. Но процесс пошёл.

— Ты не один. Я с тобой, — сказал я и прижал его сильнее.

Мы сидели с ним до конца занятия. Разговорились. Просто болтали. О том о сём. О его прошлом, о том, чем хочет заняться в будущем. О его матери. Я дал ему слово, что он отдохнёт, и я выполню своё обещание. Серёга смотрел на всё это с открытым ртом. Совсем недавно к нему приезжал немой парень, а теперь сидит и говорит — как будто никогда и не молчал. В дверь постучали. Серёга не дал свой фирменный ответ — всё ещё не мог поверить. Пришлось действовать мне:

— Войдите.

На пороге стояла мать. Сначала она посмотрела на Дениса, потом на меня. Мы сидели в метре друг от друга. Мать сразу зацепилась за красные от слёз глаза Дениса.

— Что вы наделали? Денис, мальчик мой, он тебя обижал? Он тебе делал больно?

Она подбежала к нему. Стала обнимать, целовать, гладить по голове.

— Мам, успокойся, — вдруг сказал Денис.

— Ты... говоришь... — мать не поверила своим ушам.

— Да, он говорит, — вмешался я. — Причём очень хорошо. А с вами, мамочка, у меня будет отдельный разговор. Подойдите в мой кабинет через полчаса.

— Но я не смогу через полчаса, у Дениса велосипед, — возразила мать.

— У Дениса сегодня последний день. Завтра вы поедете домой и дадите ему отдохнуть.

— Но как? Почему?

— Об этом мы с вами поговорим в кабинете.

Я закончил свою работу. И сделал её, как всегда, хорошо. Теперь оставалась малая часть — промыть мозги матери. Но это будет легко сделать после того, как я вернул её сыну голос.

Мы выехали в коридор. Серёга догнал меня уже у лифта.

— Ты как это сделал? — спросил он, понизив голос. — Серьёзно. Я его неделю таскаю на себе. Он вообще рта не открывал. А тут — «мам, успокойся». Ты чё, гипноз, что ли, знаешь?

— Нет никакого гипноза, — ответил я, нажимая кнопку лифта. — Это физиология. Шейник. Шестой позвонок. Руки работают — значит, диафрагма и голосовые связки целы. Мозг заблокировал речь, потому что сэкономил ресурсы. Ты сам сказал: мать его пахала два часа в день. Организм в режиме «авария» — отключил всё, что не жизненно важно.

— И что, просто взял и включил обратно?

— Я дал ему разрешение злиться. Злость — это энергия. А энергия — это питание для мозга. Он перестал экономить и заговорил. Никакой магии. Чистая неврология.

— А слёзы?

— Выдох. Булыжник с души. Он не плакал от боли. Он плакал от того, что впервые за всё время почувствовал, что он не один.

Лифт открылся.

— Заебатель ты психолог, Аркаш, — сказал Серёга и хлопнул меня по плечу.

— Знаю, — ответил я и заехал в лифт. — Завтра кофе с тебя.

— А то, не вопрос.

Рабочий день закончился так же быстро, как и наступил. Пациентов у меня больше не было. Не сезон сейчас. Поэтому остаток дня я провёл за бумагами, кофе и листал ленту в телефоне. Мать, конечно, ко мне зашла. Мы поговорили. Я объяснил ей, как работает человеческая психика. Объяснил, из-за чего пропала речь и как я смог её вернуть. Она разревелась прямо у меня в кабинете. Кричала, что не хотела, что не знала. Но это уже не имело значения. Она сделала то, что сделала. Теперь собирает плоды. В этот же день она забрала все деньги, которые внесла за лечение сына, и уехала вместе с ним домой. Надеюсь, моя терапия помогла. И Денис наконец-то отдохнёт по-человечески — в кругу семьи и друзей. А я надеюсь, что больше у меня не будет таких пациентов. Не потому что с ними тяжело работать. Нет. Непредсказуе-

мо. Триггер, которым я воспользовался в той ситуации, мог подействовать совершенно по-разному и привести к разным последствиям. В этот раз у меня всё получилось. Можно выдохнуть. Но получится ли в другой раз? Этого я не знал. И честно — не хочу знать. Да, я мог вылечить его мирным способом. Множество сеансов — и в конце концов он сказал бы заветные слова. Но поняла бы мать? Вот в чём вопрос. Ему нужен был просто отдых. Этот отдых я ему дал. Теперь можно ехать домой и ложиться спать. День был тяжёлый.

Домой я ехал медленно. Электропривод тащил еле-еле, и я не газовал. Солнце уже садилось, воздух стал прохладным. В голове всё ещё прокручивал сегодняшнее. Денис. Мать. Слезы. Его «спасибо». Всё правильно сделал. Но вымотался как собака.

Заехал в квартиру, скинул привод, повесил рюкзак. На кухне быстро разогрел вчерашнюю пасту. Ел без вкуса, смотрел в стену. Потом — душ. Сегодня без церемоний. Просто залез, помылся, выполз обратно. Никаких полотенец под зад, никаких ритуалов. Устал даже для этого. Накинул старые шорты, футболку и поехал в зал. До спальни не доехал. Рухнул на большой диван, даже свет не выключил. Телефон валялся где-то в кармане, но сил искать не было. Закрыв глаза. В голове — тишина. Наконец-то. И тут пришёл сон.

Я открыл глаза. Моя квартира, большая комната. Диван, на котором я лежал, и коляска рядом. Напротив меня стоял человек. Он был полностью в чёрном — лица не видно,

только тёмное очертание.

— Вы кто? И что вы делаете в моей квартире?

— Незнакомец. Приятно познакомиться, Аркадий.

— Как вы попали сюда?

— Никак. Я сон. Воображение. Ты же психолог, должен понимать.

Человек говорил как настоящий. Непохоже было, что это сон. Я чувствовал всё как наяву.

— Что вам надо?

— О, точно. Совсем забыл. Я пришёл, чтобы ты выбрал.

— Что выбрал?

Я смотрел на него, пока он копался в карманах. Потом достал две таблетки. Белую и красную. Полностью одинаковые — разные по цвету.

— И что это?

— Ты устал сидеть в кресле?

— За девять лет уже привык.

— Можно отвыкнуть. Это красная таблетка. Пьёшь её — и ты снова бегаешь, чувствуешь ноги, всё как раньше. Но...

— Ну куда же без «но».

— Ты прав. Но кто-то из твоих знакомых заберёт твой недуг. Он заберёт твои ноги, твои тазовые органы — всё, кроме внешних признаков.

— Это как?

— У него не будет шрама на всю спину. Не будет титана в спине. У него просто откажет всё ниже пупа. Как у тебя

сейчас.

— А белая?

— Это скучная таблетка. Тут всё останется как есть. Ты, твои ноги и твоя коляска. Выбирай.

Я думал. Вроде выбор был очевиден. Но кто-то из моих знакомых? Что это значит — «знакомых»? Друзья — знакомые. Мать — знакомая. Да даже тот же Денис сегодня — тоже знакомый. Если так говорить, это сотни, а то и тысячи людей. Я, может, их уже и не помню.

А белая? Что мне эта белая?

Я устал. Честно. От рутины, от ограничений, от всего. Зачем? Когда можно выбрать и насладиться. К тому же это сон.

Эгоист ли я? Да. Эгоист. Все люди эгоисты. Все мы думаем только о себе. И кто бы что ни говорил, ты — главный эгоист своей жизни.

— Красная.

Он протянул мне руку с таблеткой. Я выпил её и тут же потерял сознание.

Глава 3.

Я проснулся — не знаю от чего. То, что я видел во сне или не во сне, так и не понял. Посмотрел на телефон: 6:50. До будильника ещё десять минут, но спать не хотелось. Решил пойти делать все свои утренние процедуры. Чего лежать? Приеду раньше на работу — может, нового пациента дадут.

Стал поднимать спину. И на удивление мне это далось так легко, как никогда раньше. Я не помогал себе руками. Я просто взял и сел. Смотрел на свои ноги. Они лежали неподвижно. Я удивился: никакой спастики, ничего. Просто ноги. И тут в голове всплыл Незнакомец. Таблетка. Я решил попробовать подвигать ногами. Сначала пальцем на левой. Потом на правой. Всё шло как по маслу — будто никогда и не было паралича. Решил согнуть ногу в колене. Она пошла вверх. Я не знал, как я это делаю, но ноги слушались. Они отзывались на каждое моё требование. Скинул их на пол. Не руками. Они сами всё сделали. Ступни ощутили холод плиточного пола.

Я решил действовать. Я встал.

Я стоял на своих ногах как раньше — как в пятнадцать лет, как до того самого дерева. Сделал шаг, потом ещё один, потом ещё. Уже бегал по квартире, топал ногами. И тут в голову пришло новое напоминание.

Туалет.

Я зашёл в него уверенно. Открыл крышку унитаза, спустил штаны. Моча сама потекла в унитаз. Жёлтая струя сливалась с водой. Я не делал так уже девять лет. Ни разу не пользовался туалетом по назначению. А сейчас стою и изливаю жидкость. Я не понимал: что это? Сон? Галлюцинация? Мне всё это кажется?

Вышел из туалета, посмотрел на тумбочку, где раньше лежал бейдж. Сегодня там лежал смятый листок бумаги. Я не мог вспомнить, чтобы я вчера его туда положил. Подошёл ближе, открыл листок. Ровным, почти каллиграфическим почерком было написано:

«Если кому расскажешь обо мне — всё вернётся на круги своя. Твой Н.»

Я читал её несколько раз. Потом положил обратно на тумбочку, перевёл взгляд на окно, потом обратно — но записки уже не было. Она исчезла. Испарилась. Или мне показалось? Привиделось? Сам себе навывдумывал? Я испугался. Очень сильно испугался. Но правила игры я понял. Хотя, возможно, эти правила были вымышлены.

Я долго не мог прийти в себя. Стоял и думал: что вообще происходит? Какая магия? Какие таблетки? Что за незнакомец? Но времени думать оставалось мало. Нужно было идти на работу.

Идти. Легко сказать. Мне только что запретили что-либо говорить и рассказывать. А идти — это приговор. Вопросы. Сотни вопросов. Нужно ехать на коляске. Притворяться. Быть белым волком в овечьей стае. Я быстро натянул джинсы, футболку и сел в коляску. Нацепил электропривод и выехал из дома.

Еду медленно. Раньше я всегда газовал, особенно летом — ветер в лицо, музыка в ушах, кайф. Сейчас жму на газ еле-еле. Не потому что боюсь скорости. Боюсь себя. Ноги работают. Чувствую, как мышцы напрягаются и расслабляются. Я мог бы встать с этой грёбаной коляски прямо сейчас. Пройтись по тротуару. Обогнать всех этих ходячих, которые смотрят на меня с жалостью каждое утро. Но нельзя. Если я встану — вопросы. Если я отвечу на вопросы — правда. Если правда — всё вернётся. Записка сказала: «Никому не рассказывай». А встать — это и есть рассказ. Это крик на всю улицу: «Смотрите, я хожу!»

Я сжимаю ручки коляски. В голове одна мысль: как я буду притворяться перед Ленкой? Перед Серёгой? Перед Анатолием Евгеньевичем? Я, который всех их учил, что врать нельзя, что психолог должен быть честным хотя бы с собой, — теперь буду сидеть в коляске и делать вид, что ничего не случилось.

До работы пять минут. Я должен придумать легенду. Или молчать. Молчать проще. «Не знаю, чудо, сам в ахуе». Но это не легенда. Это дыра. А Ленка — она баба умная, она сразу поймёт, что я темню. Ладно. Посмотрим. Главное — не сорваться. Главное — не встать при всех. А там... а там посмотрим.

Я стоял на светофоре. Руки трясутся. Не от ветра. От страха. От того, что я теперь не знаю, кто я — ходячий или колясочник. И как с этим жить.

Я заехал в центр. На ресепшине Лены не было — и хорошо. Я не стал подниматься на третий этаж. Поехал в кабинет ЛФК. К Серёге. Зачем? Я должен ему показать, что он не зря старался. Но рассказать не имею права. Почему? Потому что если расскажу — всё вернётся. Я просто упаду прямо перед ним. Прямо на его глазах.

Подъехал к двери. Не стал стучать. Просто открыл. Серёга уже был на месте. Лежал на столе, листал телефон.

— Какого чёрта? — сказал он, не поднимая глаз. — Аркаш, а ты чё так рано? — спросил Серёга садясь.

Я ничего не отвечал. Молча заехал, закрыл дверь на ключ и сидел, смотрел на этого лысого мужика.

— Аркаш, всё хорошо? Ты какой-то странный. После обеда заезжай, разомну тебя, у меня там окно или ты...

Он не успел договорить. Я сначала скинул одну ногу, потом вторую. И резко встал. Я стоял перед ним как статуя. Как монумент. Серёга смотрел на меня и не мог поверить своим

глазам. Он даже открыл рот. Но глаза были больше.

— Как? — он встал и подошёл ко мне.

Он щупал мои ноги, заставлял согнуть и разогнуть. Потом заставил присесть десять раз. Я сделал это с лёгкостью.

— Это невозможно. Как, Аркаш? Объясни мне как?

— Я не знаю, — всё, что я мог сказать в тот момент.

Я не мог ему ничего рассказать. Я мог только показать. Но сказать — не мог.

— Не знаешь? — Серёга усмехнулся, но глаза остались серьёзными. — Аркаш, ты только что встал с коляски. Девять лет не ходил. С твоим диагнозом не встают. Ты это знаешь. Я это знаю. Титановые пластины, спинной мозг, блядь, не проводит импульсы. Я тебя каждый день разминал и видел эти ноги. Они мёртвые были. А теперь ты стоишь.

Он подошёл ближе, заглянул в глаза.

— Ты меня за дурака держишь?

— Нет, — сказал я.

— Тогда объясни. Как? Гипноз? Плацебо?

Я молчал. Что я мог сказать? Правду — нельзя. Врать — бесполезно, он всё равно почувствует.

— Аркаш, — голос Серёги стал тише, почти злым. — Я столько лет с тобой работал. Я знаю каждую твою пластину, каждый позвонок. Я знаю, что ты никогда не должен был встать. Это не чудо. Это что-то другое. И ты знаешь что.

Он почти кричал. Не громко, но с такой силой, что я отшатнулся.

— Ты боишься, — сказал он. — Я вижу. Ты стоишь на ногах, но ты боишься. Чего? Что я расскажу?

— Нет, — выдавил я. — Не в этом дело.

— А в чём?

Я посмотрел на него. Лысый, бородатый, с красными от напряжения глазами. Мой друг. Человек, который разминал мне суставы, когда я хотел сдаться. Который заставлял делать электростимуляцию, когда я плевать хотел. Он заслуживал правды. Но я не мог.

— Я не могу объяснить, — сказал я. — Просто не могу. Не потому что не хочу. Не потому что ты не поймёшь. А потому что... если объясню — всё пропадёт. Ноги. Всё.

Он смотрел на меня долго. Опустил плечи. Выдохнул.

— Ты хоть понимаешь, что я сейчас чувствую? — сказал он тихо. — Я всю жизнь учил людей: «Невозможного нет, надо работать». И я верил. Думал, может, когда-нибудь... А ты просто встал. Как будто ничего не было. Как будто я зря старался.

— Не зря, — сказал я. — Если бы не ты, мышцы бы атрофировались. Я бы не смог даже это сделать.

— Утешил, — он криво улыбнулся. — Ладно. Не хочешь говорить — не говори. Но ты меня пугаешь. И себя пугаешь, я вижу.

— Сам себя пугаю, — вырвалось у меня.

Он кивнул, будто что-то понял.

— Обещай одно, — сказал он. — Ты это... с головой дру-

жи. Не лезь никуда. И если что — я здесь.

— Спасибо, Серёг.

— Заткнись. Лучше скажи — в коляске теперь ездить будешь?

Я задумался.

— Придётся, — сказал я. — Пока не придумаю, как объяснить. Ты один знаешь. Никому.

— Могила, — кивнул он. — Но ты долго не проездишь. Народ заметит.

— Заметят — решим.

Он хлопнул меня по плечу. Сильно. По-своему. В глазах всё ещё была боль, но он убрал её за улыбку.

— Ладно, иди работай. Чудотворец хренов.

Я улыбнулся. Сел в коляску обратно. Выехал из кабинета.

В коридоре остановился. Сердце колотилось. Всё правильно сделал. Не рассказал. Не нарушил. Но внутри — пустота. Потому что я видел его глаза. Он не поверил ни единому моему слову. Он просто отступил. Потому что устал биться. А я соврал лучшему другу. И другого выхода не было.

Я поднялся к себе в кабинет. Не успел отцепить электропривод, как зазвонил телефон. На экране: Настя. Девушка моего друга детства. Странно. Вроде о встрече не договаривались. Может, хочет пригласить на ужин. Я взял трубку.

— АРКАША! — она кричала в трубку, я слышал, как она ревёт. На фоне — звук сирены.

— Что случилось? Почему ты плачешь? Что-то с Димой?

— начал расспрашивать я.

— Я не знаю... Я проснулась, а подо мной мокрое пятно,

— она шмыгала носом. — Я давай будить Диму, а он... — она зашлась в слезы. — Он ногами пошевелить не может. Не чувствует нихрена ниже пупа.

Мой мир замер на секунду. Вот он. Случайный знакомый. Вот мой недуг. Вот мой выбор. Я вчера выбирал абстрактно. Мысленно перебирал знакомых, успокаивал себя: «Тысячи людей, вероятность мала, может, кого-то далёкого, кого я даже не помню». А получил друга детства. Диму. С которым в одной песочнице, в одной школе, в одном дворе. Который возил меня на концерты, когда я сломался. Который говорил: «Братан, ты встанешь, я верю». А я выбрал. Я не знал, что это будет он. Но я выбрал. Знал, что кто-то заплатит. И выпил «красную».

У меня не было слов. Я сжимал телефон, а в голове стучало: «Ты. Виноват. Ты. Виноват». Я виноват? А может, это всё совпадение? Может, незнакомец — бред, таблетки — сон, а Дима просто упал? У него шейный остеохондроз, слабые сосуды, мало ли причин? Но я же встал. Я встал. Ноги работают. А он — нет. Совпадение? Нет. Не верю. Я хотел нажать «отмена». Вернуть всё назад. Пусть я останусь в коляске, лишь бы Дима был здоров. Но поздно. Выбор сделан. И теперь я стою на ногах, а мой лучший друг учится жить заново.

— В какую больницу вы едете? — спросил я. Голос чужой. Свой, но чужой.

— В третью.

— Я сейчас приеду.

Я сбросил трубку. Положил телефон на стол. Руки тряслись. Абстрактный выбор. Долбанный я эгоист. Думал только о себе. О своей усталости, о своей рутине, о своих ногах.

Но как? Почему он? Почему из тысячи знакомых — именно он? Тот, кто не предавал. Тот, кто был рядом. Тот, кого я люблю, блядь, как брата. Мысли путались. Я пытался найти логику: может, незнакомец выбрал самого близкого, чтобы я понял цену? Может, это наказание? Или проверка? Я не знал. Я знал только одно: я должен ехать. Узнать, что с ним. Посмотреть в глаза. И не иметь права сказать правду.

Я машинально задрал футболку, повернулся к зеркалу. Ровный шов, торчащие винты, титановые пластины — всё на месте. Те же самые позвонки, тот же самый диагноз. Но я хожу. А он нет. Я сел в коляску. Нацепил привод. Выехал из кабинета. В лифте закрыл глаза. На секунду представил, что сейчас проснусь. Что это был второй сон. Что Дима звонит сам и говорит: «Братан, ты чё гонишь, я бегаю». Но лифт ехал вниз. А реальность — вниз вместе со мной.

Глава 4.

Ехать час. Целый час. Раньше я ненавидел долгие поездки — ветер в лицо, руки затекают, коляска трясётся. Сейчас я благодарен за этот час. Потому что после него — Дима.

Я мог бы разогнаться. Электропривод позволяет. Но я еле плетусь. Зачем спешить? Чем быстрее приеду — тем быстрее увижу его лицо. А я не готов. Я представляю, как зайду в палату. Что скажу? «Привет, как ты?» Он не встанет. Он не сможет встать. Потому что я выбрал. И кто я после этого? Друг? Брат? Предатель?

Он будет лежать. Белый, бледный, с трубками. Или без трубок — не знаю. Я ничего не знаю. Только то, что он не чувствует ног. Как я когда-то. Но я хотя бы знал, почему. А он — нет. Он проснулся и всё. Утро, мокрое пятно, сирена. И жизнь кончилась. А я хожу. Блядь. Я хожу. Могу встать с этой коляски прямо сейчас, пройти по тротуару, купить кофе, сесть на лавочку. А он — нет.

Я сжимаю ручки. Пальцы белые. Я себя ненавижу? Да. Нет. Не знаю. Я выбрал красную. Я знал, что кто-то заплатит. Но не думал, что это будет он. Думал, может, дальний родственник. Одноклассник, которого я не видел десять лет. Сотрудник с прошлой работы. Тысяча человек. Шанс — один к тысяче. А выпал он. Почему? Почему не тот мужик, кото-

рый нахамил мне в магазине? Почему не бывшая, которая бросила через два года после травмы? Почему он? Тот, кто не предавал. Тот, кто возил меня на концерты. Тот, кто говорил: «Братан, ты встанешь, я верю». Я встал. Он не встанет.

Я смотрю на светофор. Красный. Я стою. Мимо идут люди. Никто не знает, что у меня в голове. Что я еду к другу, которого убил. Не убил — парализовал. Какая разница? Жизнь кончилась в обоих случаях.

Зелёный. Еду дальше. Я мог выбрать белую. Остаться в коляске. Жить как жил. Устало, больно, но честно. Без вины. Без этого часа дороги. Без этого камня в груди. Но я устал. Я хотел ходить. Я хотел писать стоя. Хотел чувствовать ноги. Хотел забыть, что такое катетер. Хотел просто встать утром и пойти. Я получил. И расплатился.

Через двадцать минут приеду. Увижу его. Он посмотрит на меня. Что я увижу в его глазах? Боль? Ненависть? Пустоту?

Я боюсь. Не боли. Не его слов. А того, что я не смогу сказать правду. Я буду врать. Смотреть в глаза другу и врать. «Не знаю, Диман, чудо какое-то. Сам в ахуе». А он будет лежать и знать, что это я.

Я жму на газ. Быстрее. Хватит ныть. Поехали.

Я заехал в больницу. Слава богу, был пандус.

— Здравствуйте, я к Дмитрию Кропанцеву. Поступил сегодня, — сказал я на посту.

— Здравствуйте, 105 палата, — указала медсестра.

Я поехал. Ехал и думал: что мне сказать? Ничего не буду говорить. Разве слова помогут? Вряд ли.

Почти подъехал к палате, как из неё вышел молодой врач. Короткая стрижка, аккуратные очки, выглаженный халат.

— Извините, — крикнул я, чтобы врач не успел уйти.

Он не ушёл. Стоял и смотрел, как я подъезжаю.

— Здравствуйте. Вы что-то хотели, Аркадий Евгеньевич? — обратился ко мне молодой врач.

— Откуда вы знаете...

Я не успел договорить. Он указал на бейдж, который висел на халате. Чёрт, совсем забыл его снять. Не важно.

— А, извините, забыл снять, — признался я.

— Так что вы хотели?

— Я родственник Дмитрия. Как он?

Врач прошёл и сел на лавочку напротив палаты. Я подъехал к нему.

— Честно вам скажу — я не знаю, что с ним. У меня первый такой случай за всё время работы. Вот смотрите.

Он открыл папку. Там было множество записей. Рефлексы в норме, реакция хорошая, спинной мозг не травмирован.

— А как вы поняли, что спинной мозг не травмирован? — заинтересовался я.

— Успели сделать МРТ.

Он достал снимки.

— Понимаете? — спросил он.

Я умел читать снимки. За девять лет в кресле научился их видеть.

— Да. Можно?

Он протянул мне первый снимок. Целая спина, спереди. Ни одного повреждения позвоночника. Да какое там повреждение — у него даже сколиоза не было. Потом врач протянул второй снимок, сбоку. Вот тут я увидел спинной мозг. Идеальная полоска. Без сдавливания, без заломов, без разрывов.

— Видите? — он указал пальцем на восьмой грудной позвонок. — Он с этого места ничего ниже не чувствует. Но тут всё в порядке. Нет никаких повреждений.

Я это видел прекрасно. И всё понимал. Не случайность. Это всё была правда.

— Какие ещё предположения? — спросил я.

— Психосоматика, — он указал на мой бейдж. — Ну, вы знаете, что это такое.

Конечно, я знал. Когда тело говорит то, что не может сказать мозг. Когда стресс, страх, отчаяние находят выход в параличе, слепоте, боли. Но здесь не тот случай. Психосоматика не отключает ноги полностью, без единого повреждения. Она может усилить боль, может создать иллюзию онемения, но чтобы всё ниже пупа — нет. Это не работает так. Тем более у него нет психотравмы. Он не видел войны, не терял

близких. Это не психосоматика. Это магия. Или я. Я выбрал. И он поплатился.

— Хорошо. Спасибо, — сказал я.

Я отдал доктору все документы, и тот ускакал по коридору. Я сидел около двери и не мог решиться зайти. Я был виноват. И это уже точно.

Я открыл дверь. Одноместная палата. Койка с электроприводами — можно поднять голову, ноги, отрегулировать высоту. Я знал эти койки. Я на них пролежал пол своего травмированного срока. Они удобные. И ненавистные. На кровати лежал Дима. Сильные руки, длинные кудрявые волосы, зелёные глаза смотрели в потолок. Рядом сидела Настя, держала его за руку. Лицо красное, опухшее — плакала недавно. Или до сих пор плачет тихо. С кровати свисал мочеприёмник. Жёлтая жидкость, прозрачная трубка. Я слишком хорошо знаю эту картину. Катетер, мешок, запах больницы. Только теперь это не у меня. У него. На тумбочке — телефон, наушники, пачка салфеток, недопитая бутылка воды. Рядом — его кроссовки. Стоят ровно, как будто он вот-вот встанет и наденет. Но не встанет. Окно зашторено наполовину. Солнечная полоса падает на пол, не доходя до кровати. Как будто свет боится к нему прикасаться. Дима не повернул голову. Не посмотрел на меня. Только ресницы дрогнули. Он знал, что я приду. Или не хотел знать. Настя подняла глаза. Красные, заплаканные.

— Аркаш... — прошептала она.

Я подъехал ближе. Остановился в ногах кровати. Молчу. Не знаю, что сказать. Тишина такая, что слышно, как капает в мочеприёмник.

— Настя, выйди, — вдруг сказал Дима.

— Дим... — начала она заплаканным голосом.

— Выйди, — он повысил голос.

Настя не смогла возразить. Встала, посмотрела на меня, провела рукой по моему плечу и вышла, закрыв за собой дверь.

— Дим, как ты? — начал я первым.

— Как ты мог? — он повернул голову и посмотрел на меня своими зелёными глазами. В них не было боли. Была ненависть.

— Что я? — я сделал непонимающее лицо. Хотя всё прекрасно понимал.

— Почему ты выбрал меня? За что, брат? Мы же с тобой через огонь и воду. За что?

— Что? Я ничего не выбирал, — я продолжал врать.

Я врал лучшему другу. И он это видел. Потому что знал меня лучше, чем я сам. Потому что мы выросли вместе. Потому что он возил меня в кино, когда я сломался. Потому что он держал меня за руку, когда я орал от боли в реанимации. Он знал, когда я вру. Всегда знал.

— А что ты сидишь, сука? Чё не бегаешь? А? — голос его дрожал.

— Ты чего? Я уже девять лет сижу.

— Прааавда? — протянул он. — А как так получается, что мне снится какой-то мужик, говорит, что у меня завтра откажут ноги и что ты во всём виноват. А сам ты должен бегать. Совпадение? Почему врачи не знают, что со мной? Ни один, сука, врач не может мне поставить диагноз. Просто взяли и отказали. Как так, а?

Я молчал. Что я мог сказать? Правду — нельзя. Врать — бесполезно. Он уже знал. Незнакомец сказал ему. Или не сказал, но он догадался. Какая разница.

— Я не знаю. Может, психосоматика? — выдавил я.

— Ты чё, блядь, издеваешься? — его голос сорвался на крик. — Пошёл вон отсюда. Ой, простите. Уехал нахуй.

— Дим...

— Уйди. Просто уйди. И больше не появляйся в моей жизни. Н-и-к-о-г-д-а. Ты меня услышал?

Он отвернулся к стене. Плечи дрожали. Он не плакал. Он сдерживался. Но я видел — каждое слово даётся ему через силу.

Я не мог сказать, что виноват. Не мог сказать, что выбрал красную таблетку, думая, что «кто-то далёкий», а выпал он. Не мог сказать, что хожу и ненавижу себя за это. Не мог сказать, что отдам всё, лишь бы он встал. Я просто сидел и смотрел на его спину. На его кудрявые волосы, которые он так любил. На его сильные руки, которые теперь лежали вдоль тела.

— Я люблю тебя, брат, — сказал я тихо.

Он не ответил. Я развернул коляску и выехал из палаты.

В коридоре Настя стояла у стены, закрыв лицо руками. Увидела меня, хотела что-то спросить, но я только покачал головой.

— Не сейчас, — сказал я. — Побудь с ним.

Я поехал к лифту. Руки тряслись. Внутри всё горело. Я потерял друга. Может, навсегда. И это была моя расплата. Не ноги. Не коляска. А это. Смотреть в его глаза и врать. Слышать его голос и молчать. Знать, что я виноват, и не иметь права сказать правду.

Лифт открылся. Я заехал внутрь. Двери закрылись. Я остался один. В железной коробке. С самим собой. И с тем, что я сделал.

Я выехал на улицу. И заревел. В голос. С истерикой. Люди проходили мимо, а я сидел и кричал. На себя, на этот мир, на свой долбанный выбор. Слезы текли по лицу и впитывались в белый халат.

Вдруг ко мне подошёл мужик. Он был похож на священника. Чёрный плащ, большой крест на груди. Длинная борода доставала до самой груди. Он подошёл и сел рядом. Ничего не говорил. Просто сидел. Потом достал пачку сигарет. Вытащил одну, закурил. Протянул пачку мне.

— Бог не накажет за курево? — спросил я заплаканным

ГОЛОСОМ.

— Бог не следит за куревом. У него других дел много, — ответил он.

Я не курил уже два года. Но взял из пачки сигарету. Зажёг зажигалку, крепко затянулся. Дым обжёг горло. Больно. Хорошо.

— Ты верующий? — вдруг спросил священник.

— Нет. А смысл? Он что, поможет?

— Может, и поможет. Ты просил?

— Просил. Давно просил. Так и не помог.

Он сидел прямо на асфальте. Рядом со мной. Рядом с моими ногами. Не боялся испачкаться. Не смотрел на коляску как на приговор.

— Врать не хорошо, — сказал он.

— В смысле, отец?

— Врать не хорошо.

Он сказал это и выкинул бычок в мусорку. Потом встал и ушёл. Просто ушёл. Не объяснил, что значат его слова.

Я остался сидеть. Сигарета догорала между пальцев. В голове стучало: «Врать не хорошо». Он знает. Откуда? Неважно. Он знает. Я посмотрел ему вслед. Чёрный плащ мелькнул за углом. И пропал. Как будто его и не было.

Я поехал по улице в сторону дома. По пути заглянул в

магазин. Взял две бутылки виски. Первую открыл прямо у магазина. Сделал жадный глоток. Закрыв бутылку, положил в рюкзак. Поехал дальше.

Квартира встретила меня пустотой. Как только заехал — сразу встал с коляски. Достал бутылки. По пути ещё заехал в табачку и купил пачку сигарет. Пошёл на балкон.

Я пил и ревел. Я сделал ужасный выбор. И самое страшное — я не мог никому о нём рассказать. Не потому что боялся. Потому что нельзя. Записка сказала: «Если расскажешь — всё вернётся». И получается, что Дима пострадал зря. Я расскажу — и он останется без ног, и я снова сяду. А толку? Он уже не встанет. Никто не встанет. Только я буду ходить и знать, что предал.

Я пил. Много пил. Первая бутылка закончилась. Началась вторая. Сознание мутнело. Я уже не понимал, что делаю. Закурил около открытого окна балкона. Посмотрел вниз. Шестой этаж. Упасть и забыться. Внизу — асфальт. Серый, холодный, как в больнице. Как глаза Димы, когда он сказал «уйди». Как этот день. Как вся моя жизнь до и после. Я смотрел вниз и думал: один шаг. Один глоток воздуха. Одна секунда — и всё. Не надо будет врать. Не надо будет помнить. Не надо будет выбирать. Ветер дул в лицо. Холодный. Трезвый.

Я не прыгнул. Не потому что испугался. А потому что понял: если я прыгну — он точно не встанет. А так — вдруг? Вдруг есть способ? Вдруг я могу что-то сделать?

Я затушил сигарету. Закрыв окно. Пошёл в душ. Вода горячая. Плевать. Стою под струёй и смотрю на свои ноги. Работают. Стоят. Сводят с ума. Выхожу. Падаю на диван. Сознание отключается. И тут — снова он.

Я открыл глаза. Комната. Диван. Бычок тлеет в тарелке. Недопитая бутылка. Прямо на моей коляске сидел он. Незнакомец.

— Доволен? — спросил я.

— А ты?

— Да всё класс. Друг без ног, я на ногах. Он меня ненавидит. И всё, сука, ты. Ты нахуя ему рассказал? Ты же сказал: никому ни слова.

— Ты прав. Но выбор сделал ты. Тебе было плевать на человека. Ты эгоист.

— А кто бы, сука, сделал другой выбор? — я уже кричал, стоя на ногах. Стоял перед ним. На своих ногах. Которые он мне дал. Которые стоят мне друга.

— Ты прав, — сказал Незнакомец спокойно. — Именно поэтому я дам тебе шанс всё исправить.

— Как? Сигануть с балкона? Всё, меня нет — проблем тоже. Но Дима-то не встанет. Гнида ты.

Я подошёл к Незнакомцу, замахнулся и ударил. Но рука прошла сквозь. Как сквозь дым. Как сквозь сон. Как сквозь правду, которую я не могу изменить.

— Зря пытаешься, — сказал он. — Может, хоть послушаешь?

— Это как?

— Неважно.

— Что ты хочешь сказать? Да, я эгоист. Да, я гандон. Но что с того? Как мне жить теперь?

Незнакомец достал две таблетки. Красную и белую.

— Нет-нет, ты хочешь, чтобы я опять выбирал? Ты гонишь что ли?

— Белая — всё вернётся как прежде. Ты снова сядешь в кресло. А Дима выздоровеет.

Вот он. Мой шанс всё исправить. Сердце заколотилось. Белая. Одна таблетка — и я снова в коляске. Снова катер, снова унитаз только лёжа, снова жалостливые взгляды. Девять лет ада. Но Дима встанет. Он будет бегать, прыгать, жить. А я? Я вернусь туда, откуда вылез. И буду знать, что я это сделал. Ради него. В первый раз я выбрал себя. Во второй раз могу выбрать его. Не такой уж я и плохой, оказывается.

— Но...

— Опять ёбаное «но».

— Да. Есть красная. Я дам тебе способность исцелять людей на колясках. Но её ты сможешь получить только после того, как поднимешь своего друга на ноги. Ты и только ты. Ни один врач в мире не сможет, ни одна операция. Только ты.

Я замолчал. В голове зашумело. Способность исцелять. Не одного Диму. А потом — других. Тысячи людей, которые сидят в колясках и мечтают встать. Я смогу им помочь. Я,

который девять лет был одним из них. Я, который понимает их боль, потому что нёс её на себе. Я, который теперь ходит, но не забыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.